

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-7-31

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЮ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКОЙ?

Эдуард Николаевич Мишкуров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: e.mishkurov@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи заключается в изучении проблем становления отечественного переводоведения в качестве академической науки в виде двух её ипостасей — теоретической и прикладной. Прослеживается история становления и развития знаменитой *лингвистической теории перевода (ЛТП)*, которая и поныне является единственно официально признанной институциональной дисциплиной для научной и учебно-методической деятельности в РФ. В современном российском научном сообществе наряду с ЛТП активно развиваются новые трансдисциплинарные научно-теоретические и методологические изыскания в области теории и практики перевода. На нынешнем историческом этапе развития переводоведение трактуется как социально-гуманитарная трансдисциплинарная наука на стыке лингвистики, культурологии, теории коммуникации, сравнительного литературоведения, семиотики, социологии, истории, а также философии, герменевтики, этнопсихолингвистики и когнитологии, теории информации и других смежных академических наук и явлений типа «локализация» в рамках алго-когнитивной культуры. Идентифицированы три группы парадигм, функционирующих в современной отечественной теории и методологии перевода: (а) лингвистического профиля, (б) когнитивного профиля, (в) дискурсивного профиля. Группы «б» и «в» могут составить основу *академической парадигмы перевода*. В научный оборот вводятся три типа дискурсов: *переводоведче-*

ского, ассоциируемого с академическим дискурсом в двух его разновидностях: теоретической и дидактической; **переводческого**, теоретически и практически базирующегося на основе первого и служащего переводчику в качестве его теоретико-практической основы для порождения третьего вида дискурса — **переводного** как результирующего, отчуждаемого в сферу читательской рефлексии, продукта. В итоге предложена авторская «**дискурсивно-игровая когнитивно-герменевтическая парадигма**» как рабочий вариант для формирования искомой переводоведческой парадигмы академического типа.

Ключевые слова: академическая наука, академический дискурс; переводоведческий дискурс, переводческий дискурс, переводной дискурс; дискурсивно-игровая когнитивно-герменевтическая парадигма перевода

Для цитирования: Мишкuroв Э.Н. Быть или не быть отечественному переводоведению академической наукой? // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 1. С. 7–31. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-7-31

Статья поступила в редакцию 30.01.2024;
одобрена после рецензирования 16.04.2024;
принята к публикации 20.04.2024.

RUSSIAN TRANSLATION STUDIES: TO BE OR NOT TO BE AS AN ACADEMIC SCIENCE?

Eduard N. Mishkurov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: e.mishkurov@mail.ru

Abstract. The paper deals with the study of the problems of Russian translation studies formation as an academic science in its theoretical and applied forms. The formation and development history of the famous linguistic translation theory (LTT), which up to the present day has been an officially recognized institutional discipline for scientific and educational activities in the Russian Federation, is traced. In today's Russian scientific community, along with LTT, new transdisciplinary scientific, theoretical and methodological types of research in the field of translation theory and practice are actively developing. At the current historical stage of development, translation studies is interpreted as

© Mishkurov E.N., 2024

a social and humanitarian transdisciplinary science at the intersection of linguistics, cultural studies, communication theory, comparative literature, semiotics, sociology, history, as well as philosophy, hermeneutics, ethnopsycholinguistics and cognitive science, information theory and other related academic sciences and phenomena like “localization” within the framework of algo-cognitive culture. Three groups of paradigms operating in modern Russian translation theory and methodology have been identified: (a) linguistic profile, (b) cognitive profile, (c) discursive profile. Groups “b” and “c” can form the basis for *the academic translation paradigm*. Three types of discourses are introduced into scientific circulation. 1. *Translation studies discourse*, associated with *academic discourse* in its theoretical and didactic varieties. 2. *Translation discourse* which is theoretically and practically based on the first one and serves the translator as their theoretical and practical basis for generating the third type, viz. *translated discourse*. The last one is a resultant product addressed to the recipients’ reflection sphere. As a result, the author’s “*discursive-game cognitive-hermeneutic paradigm*” has been proposed as a preliminary model of the desired “academic-type translation studies paradigm”.

Keywords: academic science, academic discourse; translation studies discourse, translation discourse, translated discourse; discursive-game cognitive-hermeneutic paradigm

For citation: *Mishkurov E.N. (2024) Russian translation studies: to be or not to be as an academic science? Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 1. P. 7–31. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-1-7-31*

The article was received on January 30, 2024;
approved after reviewing on April 16, 2024;
accepted for publication on April 20, 2024.

Введение

Ныне в мировом и отечественном переводоведении накопились горы контентно весомых и научно состоятельных разносторонних трудов по теории и методологии перевода, принадлежащих перу самых разных по таланту и феноменологическим воззрениям учёным, объединённым единой *fonction de foi*, но которые жили и трудились исторически в разных странах при неравноценных возможностях и условиях личных и/или коллективных научных контактов. Этим, в частности, объясняется известный разноразличиями и существенные различия в концептуально-методологической базе транслатологии в различных мировых переводоведческих школах и отсутствие согласия — за редким исключением — между колле-

гами в области их профессиональной творческой и практической деятельности (см.: Прунч, 2015; Гарбовский, Костикова, 2021).

К сожалению, и поныне нет должного согласия и в отечественных научных — как в официальных, так и общественных переводоведческих/переводческих организациях и союзах по проблемам парадигматики в теории и методологии перевода. Многочисленные современные переводоведческие доктрины, модели и другие эпистемы в своём большинстве не находятся ни во взаимопересечении, ни в отношениях функциональной дополнителности. Излишний эгоцентризм в доказательстве исключительности своего труда не позволяет достигнуть оптимального единства в адекватном рассмотрении одних и тех же переводоведческих/переводческих проблем, что в свою очередь не способствует своевременной оценке уже имеющихся перспективных системообразующих моделей / матриц организации переводческого процесса и его теоретико-методологического осмысления в интересах построения современных инновационных методологий переводческого процесса в рамках единой комплексной парадигмы, которая может быть репрезентирована как относительно единая *полидискурсивная академическая переводоведческая наука*.

Лингвистическое переводоведение в России

В данном контексте обратимся к не столь уже отдалённым перипетиям истории борьбы за приобретение переводоведением статуса самостоятельной научной дисциплины.

Примечательными годами для отечественного переводоведения стали 1952 г. и 1953 г. Они ознаменовались соответственно выходом двух противоречивых трудов: знаменитой статьи А.А. Реформатского «Лингвистические вопросы перевода» и 1-го издания книги А.В. Фёдорова «Введение в теорию перевода».

Первый категорически настаивал на **«абсолютной невозможности создания теории перевода как науки**, ибо такой науки быть не может по определению, поскольку «практика перевода может пользоваться услугами многих наук, но собственной науки иметь не может. Это вытекает из разнообразия типов и жанров перевода» (Реформатский, 1952: 12). В этом же духе позже высказывался и Михаил Яковлевич Цвиллинг, полагая, что **создание монистической теории перевода вряд ли возможно в обозримом будущем**, если в принципе вообще возможно... (Цвиллинг, 1999: 35).

Тогда как А.В. Фёдоров совершил поистине первый революционный акт отрыва переводоведения из тисков литературоведения и

провозгласил науку о переводе неотъемлемой частью лингвистики, поскольку, как можно предположить, объявлять переводоведение самостоятельной наукой было бы ещё несвоевременно.

Он в предисловии ко 2-му изданию своего исторического труда «Введение в теорию перевода» (Лингвистические проблемы), вышедшему в 1958 г., писал, что 1-е издание этой работы в 1953 г. вызвало острый резонанс у научной общественности касаясь выведения теории перевода из сферы литературоведения. Тем не менее, Фёдоров настаивал, что это — необходимый этап в построении теории перевода как комплексной общелингвистической дисциплины. Возражая противникам лингвистического подхода, которые в качестве аргументов выдвигали, в частности, «отсутствие твёрдых, постоянных прямолинейных соответствий между двумя языками (особенно при передаче произведений художественной литературы) или как необходимость ограничивать круг наблюдений каждый раз только парой определённых языков». Учёный считал подобные доводы неубедительными, поскольку «именно лингвист никогда не признаёт возможности установления каких-то незыблемых и независимых от контекста соответствий между двумя языками (кроме немногочисленных конкретных случаев, относящихся главным образом к области терминологии, к географической номенклатуре и т.п.), и задача теоретического изучения перевода — состоит в выяснении соответствий гораздо более сложных, разветвлённых, зыбких и в обобщении наблюдений над разнообразнейшими случаями». Он подчёркивает, что не только для практики перевода, но — тем более — и для теории его является необходимостью глубокая лингвистическая основа, знание закономерностей, существующих в отношении между определёнными языками.

Подытоживая свою аргументацию, А.В. Фёдоров подчёркивает, что его работа — это «не книга о художественном переводе как таковом», (хотя ему и посвящён в ней особый раздел) и что «художественный перевод, являясь высшей формой переводческой деятельности, затрагивается в книге лишь как одна из частей общей проблемы перевода, правда, принципиальнейшая и сложнейшая <...> из всей огромной проблемы перевода художественной литературы здесь выделены некоторые специальные лингвистические вопросы, представляющиеся узловыми с точки зрения принципа переводимости».

Далее учёный отмечает, что его книга «не является практическим пособием по переводу или — тем не менее — сборником переводческих правил». Помощь практике со стороны теории в области

перевода может и должна заключаться прежде всего в том, чтобы нацеливать внимание переводчика на необыкновенное разнообразие языковых возможностей, приучать к поискам более широкого круга средств для разрешения каждой конкретной задачи и к пристальной сравнительной оценке этих средств в условиях данного контекста.

А.В. Фёдоров как бы предвидел *трансдисциплинарный* ход развития переводоведения в последующих поколениях учёных. Уже тогда он писал, что «вопросами перевода сейчас занимаются не только литературоведы и лингвисты, не только историки культуры и психологи, но и математики, и инженеры (в связи с машинным переводом). Это показывает, как многогранна тема в целом <...> естественно, что такие работы будут появляться и в дальнейшем», что, как он полагал, «создаётся почва для того, чтобы вновь подойти — но уже в углублённой форме — к постановке комплексных задач изучения перевода как художественной литературы, так и других видов материала <...> Существуют разные взгляды на пути исследования перевода, но эти разные взгляды сближает одно общее — интерес к проблеме и осознание её важности. Это общее нельзя недооценивать — при всех различиях в способах исследования» (Фёдоров, 1958: 3–10).

В этой связи хотелось бы напомнить, что А.В. Фёдоров работал, что называется, не на пустом месте — достаточно вспомнить его совместную работу с К.И. Чуковским, с которым они в 1930 г. в соавторстве написали знаменитый трактат «Искусство перевода» (Чуковский, Фёдоров, 1930)¹.

Вместе с тем академик Б.А. Ларин (1893–1964) в предисловии к сборнику статей «Теория и критика перевода» писал: «Большие надежды мы связываем с привлечением «востоковедов»... специалистов по языкам Азии и Африки к разработкам теории перевода. Первый шаг к этому уже сделан. Ассоциация востоковедов-переводчиков на восточном факультете ЛГУ ведёт постоянную и плодотворную работу» (Ларин, 1962: 7)².

¹ Раздел «Приёмы и задачи художественного перевода», опубликованный в данной книге, стоил Фёдорову «исключением из секции переводчиков Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей и Федерации объединений советских писателей» (Фокин, 2016: 14). А К.И. Чуковский был вынужден примкнуть к сторонникам теории реалистического перевода И.А. Кашкина (Азов, 2013: 171).

² Описываемый период (50–60-е гг. XX в.) в истории отечественного переводоведения, характеризовавшийся жаркими и страстными взаимообличительными

Напомним также, что отечественное переводоведение в первой половине XX в. во многом обязано, в частности, когорте выдающихся востоковедов-академиков-переводчиков, в том числе:

— арабисту И.Ю. Крачковскому (1883–1951), переложившему Коран и ряд арабоязычных рукописей на русский язык;

— китаисту В.М. Алексею (1881–1951), который одним из первых перевёл «Исторические записки» Сыма Цяня, а в 1922–1923 годах опубликовал многократно переиздававшийся впоследствии перевод новелл «Ляо-чжай-чжи-и» Пу Сунлина. Он также составил и отредактировал «Большой китайско-русский словарь», изданный посмертно в 1983 г. и был автором многочисленных специальных статей по теории перевода;

— японисту (владевшему также китайским языком) Н.И. Конраду (1891–1970) — автору перевода на русский язык знаменитого китайского «Трактата о военном искусстве». На японский язык перевёл «Обращение к народам Востока» и «Обращение к трудящимся и угнетённым всего мира». На русском языке издал переводы ряда памятников японской классической литературы («Исэ-моногатари», «Ходзёки» и др.). Был редактором до сих пор не превзойдённого по широте представленного материала «Большого японско-русского словаря» (1970).

Этот список может быть пополнен значительным числом примеров значительного вклада в теорию и практику перевода и многих других выдающихся учёных-переводоведов-практиков с различных иностранных языков и на различные иностранные языки, труды которых и личное общение с которыми во многом способствовало развитию отечественной и зарубежной науки о переводе. Так, знаменитый учёный академик Л.В. Щерба (1880–1944) в предисловии

спорами сторонников и противников отрыва переводоведения от литературоведения и становления первого как относительно самостоятельной, но прикладной отрасли к лингвистике, с одной стороны, сопровождавшийся яростной обличительной кампанией так называемой «теорией реалистического перевода» против так называемых «буквалистов» в переводе, имел под собой ещё и финансовую подоплёку — скрытую борьбу за заказы на перевод и соответствующие гонорары. Об этом в вышеупомянутой статье Б.А. Ларина в частности говорится: «Литературоведческая или литературотворческая основа теории перевода обороняется ещё и с практической (юридической) точки зрения. Здесь открывают аргумент в пользу равноправия переводчика и писателя, а раз дело идёт о борьбе за гонорар, то какие же ещё могут быть колебания! Конечно, перевод — литературное творчество, конечно, литературоведение — основа теории перевода. Однако же права на гонорар можно успешно защищать при любой теории перевода» (Ларин, 1962: 4; о том же см.: Азов, 2013: 172 и др.).

ко второму изданию знаменитого «Русско-французского словаря», составителем которого он являлся совместно с М.И. Матусевич, писал, что «до сих пор никто не догадался, что, искусно комбинируя объяснения и переводы, можно создать хороший толковый французский словарь и на русском языке <...> Перевод не должен быть объяснением, а реальным переводом <...> если такого приемлемого общего перевода не находилось, то мы давали несколько переводов, всячески стараясь указать, когда и какой из них следует употреблять <...> Когда нам казалось, что нет ничего подходящего, мы обозначали это значение как **непереводимое** и в скобках давали или объяснения, или какие-либо частичные переводы» (Щерба, 1962: 5–6). В то же время образцом переводоведческой критики может служить до настоящего времени его статья «Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. “Сосна” Лермонтова в сравнении с её немецким прототипом» (см. подробнее: Мишкур, Новикова, 2024: 96–97 и далее).

Говоря о важности объединения усилий всех учёных-переводоведов и практикующих переводчиков страны, цитировавшийся выше Б.А. Ларин подчёркивал, что «объединяющее нас стремление достичь более высокого уровня всего переводческого дела, вооружить переводческую практику *подлинно научной теорией* (курсив мой — Э.М.) найдёт новые импульсы на путях сближения переводчиков с европейских языков и на европейские языки и переводчиков с языков всех других континентов (и на языки других континентов)» (Ларин, 1962).

В данном контексте важно заметить, что ещё в 1958 г. на Втором съезде славистов в Москве уже шла горячая дискуссия о роли и месте перевода в культурной жизни общества. Уже в то время было предложено идентифицировать переводоведение как **особую самостоятельную науку**, не относящуюся исключительно к лингвистике или литературоведению.

Поэтому не совсем корректно датой рождения теории перевода как научной дисциплины считать 1972 г. — дату выступления британского лингвиста Джеймса Холмса на Третьем международном симпозиуме по прикладной лингвистике в Копенгагене, который заявил о необходимости признания теории перевода самостоятельной областью научных исследований. Он усмотрел основную задачу новой науки в «установлении общих принципов, помогающих объяснять и предсказывать реальные проявления теоретических закономерностей процесса перевода» и предложил именовать её как “translation studies” (TransEurope, ЭР).

Именно отечественным учёным-переводоведам Я.И. Рецкеру, С.Г. Бархударову, В.Н. Комиссарову, А.Д. Швейцеру и ряду других выдающихся учёных³ принадлежит заслуга всестороннего законченного, системного теоретического и прагматического описания «Лингвистической теории перевода», получившей заслуженное признание и ряда ведущих зарубежных переводоведов⁴. Наглядным доказательством этого тезиса может служить известный сборник статей «Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике», составленный, отредактированный В.Н. Комиссаровым, который предварил его обширной вступительной статьёй-рецензией «Перевод как объект лингвистического исследования» (Вопросы теории..., 1978).

Тем не менее нелишне определить отношения сторонников ЛТП к незаслуженной критике данного направления в переводоведении. Так В.Н. Комиссаров по этому поводу пишет: «Широкое распространение получила идея о необходимости создания самостоятельной науки — «переводоведения», — в которой использовались бы методы и понятия ряда наук, но которая не была бы собственно лингвистической дисциплиной. Однако по мере расширения лингвопереводческих исследований становится всё более очевидным, что языковедам нет необходимости оправдываться в необходимости включения перевода в лингвистическую проблематику. Оказалось, что лингвистические аспекты перевода не есть что-то случайное или периферийное, они составляют основной механизм этого явления, включают все важнейшие его стороны, обуславливают его существование как особого вида межъязыкового общения» (Комиссаров, 2007: 4).

Подтверждением словам Комиссарова может служить тот неопровержимый факт, что ЛТП и её дидактическая репрезентация были в конечном итоге **единой научно-учебной дисциплиной практически во всех переводоведческих учебных заведениях нашей страны**. Этого, к сожалению, не скажешь о теоретическом

³ Сведения о сонме корифеев ЛТП см., в частности, в коллективной монографии «Золотые имена дидактики перевода», 2023.

⁴ В контексте вышесказанного полагаем несправедливыми сомнения прозаика-фантаста и переводчика произведений ряда англоязычных авторов В.Т. Бабенко в реальном существовании всемирно признанной отечественной лингвистической школы перевода, творцами которой были вышеназванные и другие выдающиеся профессионалы-переводоведы СССР. Все свои претензии к советской школе перевода он, как и ряд других практиков перевода, строит на ошибках своих коллег по цеху, будучи явно не специалистом в отечественной теории и методологии перевода (см.: Бабенко, ЭР).

«разнобое» в преподавании теории и методологии перевода в современных вузах, в которых зачастую данный курс читается в зависимости от предпочтений преподавателя, основанных преимущественно на его индивидуальных теоретико-методологических изысканиях.

В этой связи можно предположить, что традиционный сдержанный государственно-консервативный академический подход к определению места теории и методологии перевода в научной номенклатуре в большей степени ориентируется на сферу языкознания.

Становится понятным в значительной степени, почему в паспорте дисциплины 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» о переводе сформулированы следующие составляющие: «Лингвистическое переводоведение и его основные направления. Языковые и экстралингвистические аспекты перевода. Формы, виды и методы перевода. История перевода и переводческой мысли» (Паспорт 5.9.8., п. 20). Литературоведческие разыскания в области художественного перевода сведены к одному: «Обобщение опыта художественно-переводческой деятельности» (Паспорт 5.9.3., п. 14).

Вместе с тем ЛТП, занимая почётное место в перечне прочих дисциплин, обслуживающих современный подход к переводоведению, является в настоящее время «притчей во языцех» в горячих дискуссиях о составе и значимости различных социально-гуманитарных наук в новой *трансдисциплинарной парадигме перевода*.

В данном контексте вполне понятна точка зрения академика РАО Н.К. Гарбовского, который с большим сожалением констатирует, что «перевод — деятельность с историей, уходящей вглубь тысячелетий, где сегодня человек соперничает с искусственным интеллектом, деятельность, позволившая передачу научных и культурных знаний от одних народов другим, несмотря на языковые барьеры, обеспечивающая успех географических открытий и дипломатических переговоров, стимулировавшая развитие и совершенствование словесности на разных языках мира, деятельность, где решения принимаются не только с учётом лингвистических, но и этических, социальных, психологических, исторических, этнических, логических и многих других факторов, — в представлении современных организаторов науки не представляет собой объект изучения *специальной междисциплинарной отрасли научного знания*» (курсив мой — Э.М.) (Гарбовский, 2022: 22–23).

Задачи современного переводоведения

Полагаем, что в настоящее время ведущим переводоведческим школам России необходимо целенаправленно, систематизированно и аргументированно на высоком научно-теоретическом и методологическом уровнях с учётом новейших разработок в области смежных с переводоведением дисциплин развернуть активную деятельность по формированию необходимого мнения в высокой научной среде о рассмотрении и квалификации современного переводоведения как науки, находящейся на начальной стадии приобретения статуса **самостоятельной академической дисциплины**.

Английский писатель и переводчик Дэвид Беллос, вникнув в бесконечные тонкости многогранной переводческой деятельности, констатировал, что «слово «перевод» не служит названием традиционной *академической дисциплины*, хотя среди переводчиков много учёных из других областей» (Беллос, 2019: 16).

Действительно, парадокс ситуации заключается в том, что нынешнее «неакадемическое переводоведение» **трансдисциплинарно** изучается учёными — представителями многочисленных социально-гуманитарных дисциплин — лингвистики, этнопсихолингвистики, антропологии, литературоведения, культурологии, истории, философии, когнитивистики и др., являющимися истинно «академическими науками».

Представляется необходимым в этой связи напомнить о критериях определения статуса некоего научного знания как целостной самостоятельной научной дисциплины.

Наука — это сфера духовной деятельности человека, направленная на выработку системы объективных знаний о мире, закономерностях развития природы, обществе и мышлении.

Наука, как известно, подразделяется на фундаментальную теоретическую составляющую и ряд прикладных наук. Прикладные науки на основе фундаментальных наук разрабатывают практическое применение соответствующих знаний в обществе. В этом смысле практическая переводческая деятельность, базирующаяся на основах теории и методологии перевода, представляет собой прикладной аспект самостоятельной научной дисциплины — переводоведения.

С другой стороны, это социальный институт, основу которого составляет система организаций и учреждений, создающих, хранящих и распространяющих научное знание. По этому критерию

переводоведение, дидактика перевода, а также наличие специализированных научно-учебных заведений по подготовке соответствующих кадров представлены в РФ оптимальным образом.

Образно говоря, перевод — это специфический способ, мост представления нового иноязычного знания на родном языке потребителя этого знания, обеспечивающий межкультурную коммуникацию между носителями более чем 7000 языков мира. Перевод — это источник нового знания в образно-художественном виде или в формах поликодовых профессиональных конструкторов соответствующих научных сфер на родном или на иностранных языках.

Традиционно переводоведение трактовалось следующим образом — это «наука о переводе как процессе и как тексте, изучающая историю перевода, его общие и частные теоретические основы, технику и методику процесса перевода, переводческие навыки и умения как сложных видов речезыковой деятельности в двуязычной ситуации, т.е. такой, когда процесс речезыкового общения (коммуникации) осуществляется средствами двух языков (в кодах двух языковых систем)» (Нелюбин, Хухуни, 2023: ЭР).

Современное переводоведение ныне определяется как *социально-гуманитарная трансдисциплинарная наука* на стыке лингвистики, культурологии, теории коммуникации, сравнительного литературоведения, семиотики, социологии, истории, а также философии, герменевтики, этнопсихолингвистики и когнитологии, теории информации и других смежных академических наук и явлений типа *локализации* в рамках алго-когнитивной культуры и др.

Особенности тезауруса исходного языка (ИЯ) оригинала и языка перевода (ЯП) заключаются в том, что они должны обладать адекватным метаязыком, базирующимся на одинаково трактуемых терминопонятиях, обслуживающих сферы рабочих языков. Исследователи объективно отмечают, что переводоведение действительно обладает своим собственным научным профессиональным метаязыком, базирующимся на специфической/специальной терминологии, независимой от языков конкретных дисциплин.

Парадигматика современного переводоведения в России

Отличительная черта современного отечественного переводоведения — явно зашкаливающий непрерывный поток якобы новых оригинальных авторских построений/штудий, оказывающихся в

скором забвении после защиты требуемой диссертации и написания сопутствующих статей, поскольку это хорошо скрытый плагиат — зачастую иноязычного происхождения, приукрашенный многочисленными малозначащими примерами, как правило, на одном иностранном рабочем языке.

Тем не менее отраднo, что инновации, привнесённые в современное отечественное переводоведение такими смежными и важными для него дисциплинами, как-то: лингвистическая философия, современная герменевтика, когнитивистика и нейролингвистика, дискурсология и др. стали теоретико-познавательной деятельностью базой для построения новых современных переводоведческих концепций.

Представим ниже беглый обзор эпистемологически ценных современных теорий, парадигм моделей и т.п., в которых наблюдаются новые тенденции становления и развития современного учения о переводе на инновационных методологических, идейных, концептуальных основаниях.

Сгруппируем соответствующие номены, содержащиеся в искомым терминопонятийных обозначениях⁵:

1. Парадигмы/модели перевода: лингвистическая, функционально-прагматическая (динамическая), семантико-семиотическая, ситуативная, денотативно-формальная, трансформационная, информативная, лингвокультурологическая, психолингвистическая, констелляционная, функционально-коммуникативная (скопс-теория), и т.п.

2. Когнитивные модели перевода: интерпретативно-порождающая, общая когнитивная, деятельностно-когнитивная, когнитивно-герменевтическая, когнитивно-эвристическая, фреймовая, культурноантропологическая и др.

3. Эпистемы перевода: людическая (игровая), дискурсивно-игровая, дискурсивно-коммуникативная и др.

Пункты 2 и 3 свидетельствуют о том, что в отечественном переводоведении наблюдается тенденция к определённой унификации инновационно-теоретических построений. Ключевыми, базисными, наиболее частотными терминопонятиями в современном переводоведческом моделировании являются **дискурс, коммуникация, когниция, игра и т.п.**

Очевидно, что открывается возможность порождения переводоведческой концепции, построенной на тезаурусе, который

⁵ Из соображений научной корректности мы не ссылаемся на конкретных авторов — инициаторов «новояза» в современных переводоведческих конструктах.

позволит единообразно описывать основные методологические, лингвокультурологические, смыслопорождающие и др. положения теории и методологии дискурсивно-игровой когнитивно-герменевтической парадигмы перевода, позволяющей, на наш взгляд, в значительной степени приблизить современное переводоведение к его интерпретации как **самостоятельной академической научной дисциплины**.

В качестве одного из возможных вариантов может быть предложена авторская **«дискурсивно-игровая когнитивно-герменевтическая парадигма перевода»**. В данной статье нет необходимости подробно повторять аргументацию автора о необходимости когнитивно-герменевтического, дискурсивно-игрового и других современных подходов к теории и практике перевода, изложенных в ранее опубликованных монографиях и соответствующих статьях (см.: Мишкуроев, 2018, 2021; Мишкуроев, Новикова, 2020, 2024). Лишь кратко напомним её суть. Исходя из определения Н.Д. Арутюновой дискурса как «речи в определённой сфере жизнедеятельности», сходное терминопонятие Л. Витгенштейна «языковые игры» ныне толкуется как собственно «дискурсивно-игровые виды деятельности», к которым, в частности, он относит и «перевод с одного иностранного языка на другой» (Арутюнова, 1990: 136–137; Wittgenstein, 2009; Витгенштейн, 2011: 30–31). В основу трансдисциплинарного дискурсивно-игрового макропереводческого пространства положена когнитивно-герменевтическая методология, основанная, в частности, на когнициях *предпонимания* ИТ, его глубинного осмысления — *понимания, интерпретации* и результирующего *переводческого решения*.

В развитие вышеупомянутой парадигмы перевода целесообразно добавить новый фрагмент теории, составную часть которой составляет система инновационных компонентов в виде **«переводоведческого дискурса»**, **«переводческого дискурса»** и **«переводного дискурса»**. Это представляется важным шагом к академизации теории переводоведения и созданию его единого научно-методологического аппарата.

Типология дискурсов в теории и практике перевода

«Переводоведческий дискурс» — впервые это терминопонятие обнаруживаем в авторитетной монографии известного австрийского лингвиста, переводоведа Эриха Прунча «Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической» в следующих цитатах: 1) «Ф. Пепке раньше других ссылается на

таких мыслителей, как Жак Деррида, влияние которых на *переводоведческий дискурс* стало определяющим только в 1990-е годы»; 2) «К этому моменту научный *переводоведческий дискурс* уже пришёл в движение...» (Прунч, 2015: 126–127, 160).

В отечественном переводоведении видимо одну из первых попыток дать обстоятельную характеристику *переводоведческому дискурсу* в отличие от *переводческого дискурса* предприняла Л.В. Кушнина, подчеркнув при этом, что данный дискурс весьма «многолик и многоаспектен». Она также констатировала, что предшествующие поколения отечественных учёных уже фактически внесли значительный вклад в разработку данной проблематики, в то время ещё не оперируя понятием «дискурс» во всём его современном транслатологическом многообразии (Кушнина, 2013: 10–16).

Вместе с тем автор представила некий обобщённый «переводоведческий дискурс в России», акцентировав внимание на том, «что современные концепции перевода... сохраняют традиции, заложенные классиками отечественного переводоведения... содержат новые идеи», дающие в совокупности «представление о сложной многоаспектной, многодисциплинарной, находящейся в постоянном развитии и совершенствовании системе перевода».

Идея Э.Ю. Новиковой и А.П. Наумовой ввести *переводоведческий дискурс* в состав *переводческого дискурса*, о котором речь пойдёт далее, представляется надуманной и контрпродуктивной, т.к. целеполагание этих дискурсов различно по содержанию и функциям.

«*Переводоведческий дискурс*» с философской точки зрения соответствует теоретико-гибридному конструкту, базирующемуся на оппозиции «теоретический дискурс»: «риторический дискурс». Целью теоретического дискурса является «он сам и та понятность, которую он формирует; целью же риторического дискурса является что-то иное и внешнее по отношению к нему» (см.: Нетерина, 2017: 110).

По нашему мнению, по своим сущностным характеристикам переводоведческий дискурс может трактоваться также в рамках так называемого «*академического дискурса (АД)*».

Напомним, что Л.А. Манерко в своей статье «Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах» лапидарно в разделе «Особенности академического дискурса» подчёркивает, что АД описывает реальный мир «на основе экспериментального, теоретического или другого вида анализа, он основан на понятиях, фактах, теориях, которые объясняются учёным».

Важная задача, решаемая учёными, «направлена на представление какого-либо отрезка действительности через убеждение читателя в правоте описываемых проблем и рассчитан на то, что описываемые данные могут быть проверены на другом материале». Далее она уточняет, что «академический дискурс связан как с устной, так и письменной формой выражения информации» с использованием когнитивной и коммуникативной функций. Она подчёркивает, что АД «представляет собой уровень развития какого-либо отдельного участка в научной сфере деятельности общества в различных странах» (Манерко, 2013: 114–116).

Если Л.А. Манерко фокусирует внимание читателя исключительно на научно-исследовательской стороне АД, то в ряде более расширенных трактовок последнего отечественными и зарубежными учёными указывается и его вторая — прикладная сторона, заключающаяся, в частности, в формировании соответствующих метаязыков, которые служат, с одной стороны, для «создания устных и письменных текстов различных научных жанров в академических контекстах у определённого дискурсивного сообщества», и, с другой стороны, для разработки методики овладения конкретной учебной дисциплины с целью формирования у обучаемых академическо-образовательных компетенций, необходимых для успешной научно-образовательной и практической деятельности⁶ (Стеблецова, 2020: 7–10).

Применительно к переводоведению его теоретическая часть являет собой научно-трансдисциплинарную, концептуально-когнитивную область познания сущности перевода как двуязычного посредничества в соответствующей сфере межкультурной коммуникации, включающей всё разнообразие стратегий и тактик перевода, которые обеспечивают прагматическую реализацию институциональных и других видов дискурсов на базе *дискурсивно-игровой методологии* в виде определённых речевых актов, тесно связанных с соответствующими формами жизнедеятельности.

Риторические дискурсы реализуются в социуме в виде соответствующих *институциональных дискурсов* — политического, военного, художественного, юридического и др., а также *лично-ориентированных* — бытийных/бытовых и др.

⁶ *Академический дискурс* получил своё активное развитие в англосаксонской лингвистике с целью создания образовательно-дидактических программ и методик обучения английскому языку как отечественных, так и иностранных студентов, а также для социализации студентов, изучающих второй иностранный язык (см.: Hamp-Lyons, 2011; ср.: Fontaine Ph., 2009; Duff, 2014).

Таким образом, переводоведческий дискурс позиционируется нами как трансдисциплинарная матрица различных синергетических моделей перевода.

Очевидно, что переводоведческий дискурс является теоретико-методологическим базисом для профессиональной деятельности переводчика в рамках так называемого «*переводческого дискурса*».

«**Переводческий дискурс**», введённый в научный оборот Г.Д. Воскобойником в 2004 г., трактуется как разновидность *аргументативного дискурса*, в рамках которого переводчик как «комментатор/критик» использует адекватные способы и приёмы двуязычной коммуникации с целью убеждения «антагониста-читателя» или «аудитории» в корректности/некорректности своего или чужого перевода (Воскобойник, 2004: 71, 136 и др.).

В свете *людической теории перевода* Е.Ю. Куницына обозначает **переводческий дискурс** в терминах «пространства игры и метаигры переводчика» (Куницына, 2018: 293).

Е.А. Алексеева в своей статье «К вопросу о переводческих текстовых структурах» (2015 г.) представила «Текстовые переводческие стратегии»:

- *понимание*, то есть вычленение смысла;
- *девербализация*, сопровождающая процесс рождения смысла, состоящая в полном абстрагировании от исходной языковой формы, которая способствовала порождению смысла;
- *ревербализация*, то есть свободное от языковой формы оригинала перевыражение ранее вычлененного смысла на языке перевода, в соответствии с нормативными требованиями переводящего языка».

С другой стороны, Э.Ю. Новикова и А.П. Наумова предложили создать **гибридный переводческий дискурс**, в состав которого авторы вкуче включают «переводоведческий дискурс», «собственно профессиональный отраслевой переводческий дискурс», а также «дидактический дискурс».

Полагаем, что авторы «впали» в терминологический хаос в репрезентации «переводоведческого дискурса» и «дидактического дискурса» как частей «переводческого дискурса», и тем самым привносят некоторую сумятицу в структурную, когнитивно-профессиональную и практическую деятельность «агентов переводческого дискурса» — теоретиков / теоретиков-практиков перевода и профессиональных переводчиков.

Вместе с тем они корректно сформулировали роль переводчика в создании **переводческого дискурса**, которая в фигуральном

плане представлена следующим образом: «Переводчик выступает агентом дискурса, он наделён дискурсивным мышлением, как любая языковая и коммуникативная личность, и координирует коммуникативный сценарий конкретного дискурса» (Новикова, Наумова, 2021: 6).

Со своей стороны, полагаем, что терминопонятие **«переводческий дискурс»** следует интерпретировать как *фатическую (контактоустанавливающую), этнопсихокультурную речевую персональную деятельность билингва-посредника по обеспечению взаимопонимания разноязычных коммуникантов посредством разнообразных способов и форм общения — устных или письменных, личностных или технически опосредованных, результатом которой является «переводной дискурс».*

«Переводной дискурс» в научной литературе понимается как совокупность текстов или как отдельный текст на ЯП на заданную тему, реализующийся в рамках переводческо-языковых соответствий вкупе с вынужденными дискурсивно-игровыми манипулятивными способами и приёмами перевода в интересах заказчика/реципиента.

По формулировке Н.К. Гарбовского, «переводные тексты в своей совокупности предстают как особая часть общего дискурсивного пространства, которая могла бы быть определена как *“переводной дискурс”*». И далее читаем, что: «...реальная переводческая практика порождает *“переводной дискурс”*, который, занимая особое место в дискурсивном пространстве принимающей культуры, при длительных контактах с исконными речевыми произведениями не может не оказывать существенного воздействия на всё это пространство» (Гарбовский, 2011: 3–18).

В поддержку данной точки зрения высказалась Е.С. Краснопева: «Под переводным дискурсом следует понимать совокупность текстов, репрезентирующих прототипическую коммуникативную ситуацию повторяющего типа и погруженных в данную ситуацию, воспринимаемую участниками общения как часть перевода-процесса. Данную совокупность текстов необходимо рассматривать в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим особую... упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении текста перевода в связи с экстралингвистическими, прагматическими, коммуникативными и другими факторами, а также с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок переводчика, взаимодействующего с (потенциальным) реципиентом текста перевода» (Краснопеева, 2015: 65–73).

С нашей точки зрения, продуктивным «в рабочем отношении» является трактовка «переводного дискурса» как ситуативно порождённого переводческого контента, материально зафиксированного на бумажных или традиционных звуко-технических носителях, или репрезентируемого в виде текстового интернет-контента и т.п. Как правило, он представляет собой заказное, целевое, вторично-знаковое в когнитивно-коммуникативном измерении речевое произведение — конструкт, порождённый переводчиком на ином языке в устной или письменной форме с большей или меньшей степенью контекстно-смысловой аппроксимации по отношению к оригиналу.

Резюмируя вышеизложенные теоретико-прагматические максимы о типологии дискурсов в современной транслатологии, отметим, что переводчики в рамках *переводческого дискурса*, используя стратегии и тактики, способы и приёмы, наработанные в рамках *переводоведческого дискурса*, применяют их в структуре *переводного дискурса*. В результате порождается квалифицированный перевод, оптимально построенный на переводческих языковых соответствиях, а при отсутствии оных — на использовании *дискурсивно-игровых манипулятивных* способов и приёмах построения целевого текста при помощи вольного/свободного переложения оригинала, желательно в приемлемой для реципиента форме.

Заключение

В заключение представляется необходимым ещё раз констатировать, что современное переводоведение должно рассматриваться в лоне лингвофилософского подхода, а также с опорой на соответствующие общественно-прикладные социально-гуманитарные науки как одну из его специфических форм по осуществлению межъязыковой межкультурной коммуникации в устной и письменной формах, а также синкретически упорядочить уже имеющиеся теоретически значимые труды как в отечественной, так и зарубежной транслатологии с целью последовательной выработки единообразной парадигматики перевода на уровне требований *академической дисциплины* и исключения перевода из сферы лингвистики как её прикладной дисциплины.

В рамках настоящего исследования предлагается к рассмотрению «дискурсивно-игровая когнитивно-герменевтическая парадигма перевода», разработанная в терминопонятиях «академического дискурса», которая, на наш взгляд, отвечает ряду требований, предъявляемых современной академической наукой к научным направлениям, претендующим на этот статус.

Список литературы

Азов А.Г. Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 304 с.

Алексеева Е.А. К вопросу о переводческих текстовых стратегиях // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Якутск, 2015. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevodcheskih-tekstovyh-strategiyah> (дата обращения: 20.12.2024).

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.

Бабенко В.Т. Семь грехов «советской школы» [Электронный ресурс] // URL: <https://shakko.ru/1669076.html> (дата обращения: 23.12.2024).

Беллос Д. Что за рыбка в вашем ухе?: удивительные приключения перевода. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2019. 416 с.

Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011.

Воскобойник Г.Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 41 с.

Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сборник статей: Пер. с англ., нем., франц. Вступительная статья и общая ред. перевода В.Н. Комиссарова. М.: Междунар. отношения, 1978. 232 с.

Гарбовский Н.К., Костикова О.И. История перевода: практика, технологии, теории. Очерки по истории перевода. М.: Издательство Московского университета, 2021. 318 с.

Гарбовский Н.К. Перевод и переводной дискурс // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2011. № 4. С. 3–19.

Гарбовский Н.К. «Такой науки быть не может». К эпистемологии науки о переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022, № 4. С. 7–24.

Золотые имена дидактики перевода: коллективная монография / под общей ред. Н.Н. Гавриленко. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2023. 144 с.

Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 176 с.

Краснопеева Е.С. Характеристика особенностей русскоязычного переводного дискурса с позиций корпусного переводоведения // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates, 2015. Том 1. № 4 (4). С. 65–73.

Куницына Е.Ю. Переводческий дискурс как пространство игры и метаигры переводчика // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы II Международной научно-практической конференции (Симферополь, 26–28 апреля 2018 г.). Симферополь: АРИАЛ, 2018. С. 238–340.

Кушнина Л.В. Переводоведческий дискурс в России: традиции и современность // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики, 2013. С. 10–16.

Ларин Б.А. Наши задачи // Теория и практика перевода. Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова. Издательство Ленинградского университета, 1962. С. 3–7.

Манерко Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2013. № 1. С. 100–118.

Мишкурое Э.Н. Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт). М.: Военный университет, 2018. 299 с.

Мишкурое Э.Н. О «дискурсивно-игровом повороте» в современной теории и методологии перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. Изд-во Моск. ун-та (М.), 2021. № 3. С. 16–32.

Мишкурое Э.Н., Новикова М.Г. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении: монография. М.: Флинта, 2020. 300 с.

Мишкурое Э.Н., Новикова М.Г. Переводимость — непереводимость: Былое и думы...: монография. М.: Флинта, 2024. 248 с.

Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Толковый переводоведческий словарь. 3-е издание, переработанное. М.: Флинта: Наука, 2003.

Нетерина С.С. Апории дискурса. М.: Институт философии РАН, 2017. 119 с.

Новикова Э.Ю., Наумова А.П. Переводческий дискурс 4.0: разнообразие форматов, жанров и трендов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание, 2021. Т. 20, № 3. С. 5–17.

Прунч Э. Пути развития западного переводоведения от языковой асимметрии к политической. М.: Р.Валент, 2015. 512 с.

Реформатский А.А. Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе, 1952. № 6. С. 12–22.

Стеблецова А.О. Академический дискурс в западных исследованиях на рубеже XX–XXI вв.: эволюция направлений и концепций // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание, 2020. Т. 19. № 5. С. 5–13.

Фёдоров А.В. Введение в теорию перевода (Лингвистические проблемы). Изд. 2-е, переработанное. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 376 с.

Фокин С. Перевод, переводимость и непереводимость в свете формалистической теории. О ранних работах А.В. Фёдорова // Вопросы литературы, 2016. № 1. [Электронный ресурс] // URL: <https://voplit.ru/article/perevod-perevodimost-i-neperevodimost-v-svete-formalisticheskoy-teorii-o-rannih-rabotah-a-v-fedorova/> (дата обращения: 17.01.2024).

Цвиллинг М.Я. Переводоведение как синтез знания // Тетради переводчика. М.: МГЛУ, 1999. Вып. 24. С. 32–37.

Чуковский К.И., Фёдоров А.В. Искусство перевода. Л.: Изд-во АКАДЕМІА, 1930. 235 с.

Щерба Л.В., Матусевич М.И. Русско-французский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1962. 852 с.

TransEurope Возникновение теории перевода как научной дисциплины. [Электронный ресурс]. URL: <https://transeurope.ru/publications/vozniknovenie-teorii-perevoda-kak-nauchnoy-distipliny.html> (дата обращения: 20.01.2024).

Duff P. (2014) Handbook of Language Socialization. Malden: Willy Blackwell, pp. 564–586.

Fontaine Ph. (2009) Les Défis de la Traduction. [Electronic resource]. URL: <https://www.coin-philol.net/eee.tice.09-10.PhF.pdf> (date of retrieval: 22.01.2024).

Hamp-Lyons L. (2011) English for Academic Purposes. Handbook of Research on Second Language Learning and Teaching. New York, Routledge. Taylor & Francis, pp. 89–105.

Wittgenstein L. (2009) Philosophical investigations. The German text, with an English translation by G.E. Anscombe, P.M.S. Harker and Joachim Schulte. Blackwell Publishing Ltd.

References

Azov A.G. (2013) Poverzhennye bukvality. Iz istorii hudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody = Defeated literalists. From the history of literary translation in the USSR in the 1920-1960 p. Moscow: Izd. dom Vysshij shkoly ekonomiki. 304 p. (In Russian).

Alekseeva E.A. (2015) K voprosu o perevodcheskih tekstovyh strategiayah = On the issue of translation text strategies. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova*. Yakutsk. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevodcheskih-tekstovyh-strategiyah>

Arutyunova N.D. (1990) Diskurs = Discourse. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'*. Moscow, pp. 136–137 (In Russian).

Babenko V.T. Sem' grekhov "sovetskoj shkoly" = Seven sins of the "Soviet school" [Electronic resource]. URL: <https://shakko.ru/1669076.html> (date of retrieval: 23.12.2024).

Bellos D. (2019) Chto za rybka v vashem uhe?: udivitel'nye prikladyeniya perevoda = What kind of fish is in your ear?: amazing adventures of translation. Moscow: KoLibri: Azbuka-Attikus. 416 p. (In Russian).

Cvilling M.Ya. (1999) Perevodovedenie kak sintez znaniya = Translation studies as a synthesis of knowledge. *Tetrad' perevodchika*. Moscow: MGLU. Issue 24, pp. 32–37 (In Russian).

Chukovskij K.I., Fyodorov A.V. (1930) Iskusstvo perevoda = The art of translation. Leningrad: Izd-vo ACADEMIA. 235 p. (In Russian).

Duff P. (2014) Handbook of Language Socialization. Malden: Willy Blackwell, pp. 564–586.

Fyodorov A.V. (1958) Vvedenie v teoriyu perevoda (Lingvisticheskie problemy) = Introduction to Translation Theory (Linguistic Problems). Izd. 2-e, pererabotannoe. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannyh yazykah. 376 p. (In Russian).

Fokin S. (2016) Perevod, perevodimost' i neperevodimost' v svete formalisticheskoy teorii. O rannih rabotah A.V. Fyodorova = Translation, translatability

and untranslatability in the light of formalistic theory. About the early works of A.V. Fedorov. *Voprosy literatury*. No. 1. [Electronic resource]. URL: <https://voplit.ru/article/perevod-perevodimost-i-neperevodimost-v-svete-formalisticheskoy-teorii-o-rannih-rabotah-a-v-fedorova/> (date of retrieval: 17.01.2024) (In Russian).

Fontaine Ph. (2009) *Les Défis de la Traduction*. [Electronic resource]. URL: <https://www.coin-philol.net/eee.tice.09-10.PhF.pdf> (date of retrieval: 22.01.2024).

Garbovskiy N.K., Kostikova O.I. (2021) *Istoriya perevoda: praktika, tekhnologii, teorii = History of translation: practice, technology, theory. Essays on the history of translation. Ocherki po istorii perevoda*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 318 p. (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2011) *Perevod i perevodnoj diskurs = Translation and translation discourse. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 3–19 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2022) “Takoj nauki byt' ne mozhet”. K epistemologii nauki o perevode = “Such science cannot exist.” Towards an epistemology of translation science. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 7–24 (In Russian).

Hamp-Lyons L. (2011) *English for Academic Purposes. Handbook of Research on Second Language Learning and Teaching*. New York, Routledge. Taylor & Francis, pp. 89–105.

Komissarov V.N. (2007) *Lingvistika perevoda = Linguistics of translation*. Moscow: Izdatel'stvo LKI. 176 p. (In Russian).

Krasnopeeva E.S. (2015) *Harakteristika osobennostej ruskoyazychnogo perevodnogo diskursa s pozicij korpusnogo perevodovedeniya = Characteristics of the features of Russian-language translation discourse from the perspective of corpus translation studies. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates. Vol. 1. No. 4 (4), pp. 65–73* (In Russian).

Kunicyna E.Yu. (2018) *Perevodcheskij diskurs kak prostranstvo igry i metaigry perevodchika = Translation discourse as a space of play and meta-game of the translator. Perevodcheskij diskurs: mezhdisciplinarnyj podhod: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Simferopol', 26–28 April 2018 g.)*. Simferopol': ARIAL, pp. 238–340 (In Russian).

Kushnina L.V. (2013) *Perevodovedcheskij diskurs v Rossii: tradicii i sovremennost' = Translation studies discourse in Russia: traditions and modernity. Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*, pp. 10–16 (In Russian).

Larin B.A. (1962) *Nashi zadachi = Our tasks. Teoriya i praktika perevoda. Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A.A. Zhdanova. Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta*, pp. 3–7 (In Russian).

Manerko L.A. (2013) *Struktury znaniy, predstavlenyye v hudozhestvennom i akademicheskom diskursah = Structures of knowledge presented in artistic and academic discourses. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 1, pp. 100–118 (In Russian).

Mishkurov E.N. (2018) *Germenevtika perevoda (teoretiko-metodologicheskij standart) = Hermeneutics of translation (theoretical and methodological standard)*. Moscow: Voennyj universitet. 299 p. (In Russian).

Mishkurov E.N. (2021) О “diskursivno-igrovom povorote” v sovremennoj teorii i metodologii perevoda = On the “discursive-game turn” in modern theory and methodology of translation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. Izd-vo Mosk. un-ta (M.). No. 3, pp. 16–32 (In Russian).

Mishkurov E.N., Novikova M.G. (2020) *Teoriya i metodologiya perevoda v kognitivno-germenevticheskom osveshchenii = Theory and methodology of translation in cognitive-hermeneutic coverage: monografiya*. Moscow: Flinta. 300 p. (In Russian).

Mishkurov E.N., Novikova M.G. (2024) *Perevodimost' — neperevodimost': Byloe i dumy... = Translatability — untranslatability: Past and thoughts...: monografiya*. Moscow: Flinta. 248 p. (In Russian).

Nelyubin L.L., Huhuni G.T. (2003) *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar' = Explanatory translation dictionary*. 3-e izdanie, pererabotannoe. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian).

Neterina S.S. (2017) *Aporii diskursa = Aporia of discourse*. Moscow: Institut filosofii RAN, 119 p. (In Russian).

Novikova E.Yu., Naumova A.P. (2021) *Perevodcheskij diskurs 4.0: raznobraznye formaty, zhanrov i trendov = Translation discourse 4.0: diversity of formats, genres and trends*. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*. V. 20. No. 3, pp. 5–17 (In Russian).

Prunch E. (2015) *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya ot yazykovoj asimmetrii k politicheskoy = Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya ot yazykovoj asimmetrii k politicheskoy*. Moscow: R.Valent 512 p. (In Russian).

Reformatskij A.A. (1952) *Lingvisticheskie voprosy perevoda = Linguistic issues of translation*. *Inostrannye yazyki v shkole*. No. 6, pp. 12–22 (In Russian).

Steblecova A.O. (2020) *Akademicheskij diskurs v zapadnyh issledovaniyah na rubezhe XX–XXI vv.: evolyuciya napravlenij i koncepcij = Academic discourse in Western studies at the turn of the XX–XXI centuries: the evolution of directions and concepts*. *Vestnik VolGU. Seriya 2, Yazykoznanie*. V. 19. No. 5, pp. 5–13 (In Russian).

Shcherba L.V., Matusevich M.I. (1962) *Russko-fra cuzskij slovar' = Russian-French dictionary*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovaroj. 852 p. (In Russian).

TransEurope Vozniknovenie teorii perevoda kak nauchnoj discipliny = The emergence of translation theory as a scientific discipline [Electronic resource]. URL: <https://transeurope.ru/publications/vozniknovenie-teorii-perevoda-kak-nauchnoj-distipliny.html>. (In Russian) (date of retrieval: 20.01.2024).

Vitgeshtejn L. (2011) *Filosofskie issledovaniya = Philosophical studies*. Moscow: AST: Astrel'. (In Russian).

Voskoboynik G.D. (2004) *Lingvofilosofskie osnovaniya obshchej kognitivnoj teorii perevoda = Linguistic and philosophical foundations of the general cognitive theory of translation: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. Moscow. 41 p. (In Russian).

Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike: Sbornik statej = Issues of translation theory in foreign linguistics: Collection of articles. (1978). Per. s angl., nem., franc. Vstupitel'naya stat'ya i obshchaya red. perevoda V.N. Komissarova. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 232 p. (In Russian).

Wittgenstein L. (2009) Philosophical investigations. The German text, with an English translation by G.E. Anscombe, P.M.S. Harker and Joachim Schulte. Blackwell Publishing Ltd.

Vitgenshtejn L. (2011) Filosofskie issledovaniya = Philosophical studies. Moscow: AST: Astrel' (date of retrieval: 20.12.2024) (In Russian).

Zolotyie imena didaktiki perevoda: kollektivnaya monografiya = Golden names of translation didactics: collective monograph. (2023), pod obshchej red. N.N. Gavrilenko. 2-e izd., ster. Moscow: Flinta, 2023. 144 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Мишкuroв Эдуард Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; axmed1232@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Eduard N. Mishkurov — Dr. Sc. (Philology), Professor, Honorary Figure of Russian Higher Education; Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University; Building 51, the 1st Building of Humanities, 1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia; axmed1232@mail.ru

Конфликт интересов: Положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.